

Библиотека Классической Литературы

МОРИС ДРЮОН

Когда король губит
Францию

Перевод с французского

Москва 2018

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44
Д78

Maurice Druon

QUAND UN ROI PERD LA FRANCE

Originally published under the title «LES ROIS MAUDITS»
including: Vol. 7: QUAND UN ROI PERD LA FRANCE
© 1977 by Maurice Druon, Librairie Plon et Editions Mondiales

Перевод с французского *Н. Жарковой*

Художественное оформление серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художника Робине Тестара

Иллюстрации *Юрия Платова*

Дрюон, Морис.

Д78 Когда король губит Францию / Морис Дрюон ; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. : ил. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-090757-1

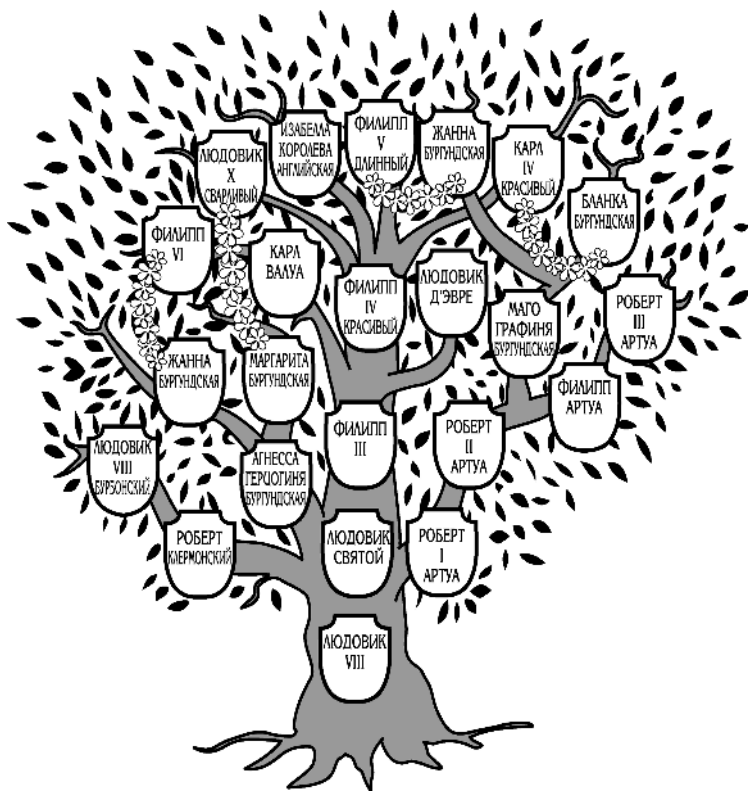
В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии — дело рук посредственностей...

1356 год. Франция разорена изнурительной войной, которой суждено продлиться еще не одно десятилетие. Однако король Франции Иоанн II Добрый, не теряя надежды на победу, готовится к решающему сражению. Весь цвет французского рыцарства должен сойтись в смертельной схватке с английскими лучниками. Исход битвы зависит от решений самого короля. Перевес — и численный, и позиционный — на его стороне. Но Иоанн словно заговоренный отдает приказы один губительнее другого. Не иначе по-прежнему тяготеет над правителями Франции проклятие Великого магистра тамплиеров...

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

© Ключанская Н.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090757-1

Самая наша длительная война,
Столетняя, была просто юридичес-
ким спором, закончившимся на
поле боя.

Поль Клодель

В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии — дело рук посредственностей. В начале XIV века Франция была самым могущественным, самым густонаселенным, самым жизнедеятельным, самым богатым государством во всем христианском мире, и недаром нашествия ее так опасались, прибегали к ее третейскому суду, искали ее покровительства. И уже казалось, что вот-вот для всей Европы настанет французский век.

Как же могло так случиться, что сорок лет спустя эта самая Франция была разгромлена на полях сражений страной, население которой было в пять раз меньше; что знать ее разбилась на враждующие между собою партии; что горожане взбунтовались; что ее народ изнемогал под непосильным бременем налогов; что провинции отпадали одна за другой; что шайки наемников отдавали страну на поток и разграбление; что над властями открыто смеялись; что деньги обесценились, коммерция была парализована и повсюду царил нищета; никто не знал, что принесет ему завтрашний день? Почему же рухнула эта держава? Что так круто повернуло ее судьбу?

Посредственность! Посредственность ее королей, их глупое тщеславие, их легкомыслие в делах государственных, их неумение окружить себя нужными людьми, их

беспечность, их высокомерие, их неспособность вынашивать великие замыслы или хотя бы следовать тем, что были выношены до них.

Не свершиться ничему великому в области политической — все скоротечно, если не будет людей, чей гений, свойства характера, воля смогут разжечь, сплотить и направить энергию народа.

Все гибнет, когда во главе государства стоят, сменяя друг друга, скудоумные люди. На обломках величия распадается единство.

Франция — это идея, сочетающаяся с Историей, в сущности идея произвольная, но она с тысячного года усвоена особами царствующего дома и с таким упорным постоянством передается от отца к сыну, что первородство в старшей ветви скоро становится вполне достаточным основанием для законного вступления на престол.

Конечно, немалую роль играла тут и удача, словно бы судьба решила побаловать эту только еще складывавшуюся нацию и послала ей целую династию несокрушимо крепких правителей. От избрания первого Капетинга вплоть до кончины Филиппа Красивого лишь одиннадцать королей в течение трех с четвертью веков сменили друг друга на троне, и каждый оставил после себя потомство мужского пола.

О, конечно, не все эти владыки были орлами. Но почти всегда вслед за бесталанным или неудачливым принцем сразу же вступал на престол, словно была на то милость Небес, государь высокого полета, или же великий министр правил за немощного монарха.

Совсем еще юная Франция чуть не погибла, попав в руки Филиппа I — человека, наделенного мелкими пороками и, как выяснилось впоследствии, неспособного вершить государственные дела. Но вслед за ним появил-

ся неутомимый Людовик VI Толстый, которому при вступлении на престол досталась урезанная держава, так как неприятель стоял всего в пяти лье от Парижа, и который оставил ее после своей смерти не только восстановленной в прежних размерах, но и расширил территорию Франции вплоть до самых Пиренеев. Безвольный, взбалмошный Людовик VII ввергает государство в гибельные авантюры, затеяв заморский поход; однако аббату Сугерию, правящему именем короля, удалось сохранить единство и жизнеспособность страны.

И, наконец, на долю Франции выпадает неслыханная удача, да не одна, а целых три подряд, когда от конца XII века до начала XIV ею правили трое одаренных или даже выдающихся монархов, и каждый восседал на престоле в течение достаточно долгого срока; один процарствовал сорок три года, второй — сорок один год, третий — двадцать девять лет, так, что все их главные замыслы успели претвориться в жизнь. Три короля, отнюдь не схожие меж собой ни по природным данным, ни по своим достоинствам, но все трое на голову, если не больше, выше заурядных королей.

Филипп Август, кузнец Истории, начинает выковывать подлинное единое отечество, присоединив к французской короне близлежащие и даже лежащие не слишком близко земли. Людовик Святой, вдохновенный поборник веры, опираясь на королевское правосудие, устанавливает единое законодательство. Филипп Красивый, великий правитель Франции, опираясь на королевскую администрацию, создает единое государство. Каждый из этой троицы меньше всего думал о том, чтобы угождать кому бы то ни было; прежде всего они стремились действовать, и действовать с наибольшей пользой для страны. Каждому выпало на долю испытать полной чашей горькое пойло непопулярности. Но после их кончины их оплакивали куда

больше, чем ненавидели, высмеивали или чернили при жизни. И главное — то, к чему они стремились, продолжало существовать.

Отечество, правосудие, государство — основа основ нации. Под эгидой этих троих зачинателей идеи французского королевства страна вышла из полосы неопределенности. И тогда, осознав себя самое, Франция утвердилась в западном мире как неоспоримая, а в скором времени и главенствующая реальность.

Двадцать два миллиона жителей, надежно охраняемые рубежи, легко созываемое воинство, присмирившие феодалы, строго контролируемые административные районы, безопасные дороги, оживленная торговля. Какая другая христианская страна могла теперь сравниться с Францией и какая из христианских стран не поглядывала на нее с завистью? Конечно, народ роптал под слишком тяжелой государевой десницей, но он возропщет еще сильнее, когда из-под твердой десницы попадет в слишком вялые или слишком сумасбродные руки.

После кончины Филиппа Красивого вдруг все разом расползлось. Длительная полоса удач в наследовании трона пресеклась.

Все трое сыновей Железного короля по очереди сменялись на престоле, не оставляя после себя потомства мужского пола. В предыдущих книгах мы уже рассказывали о многочисленных драмах при королевском дворе Франции, разыгрывавшихся вокруг короны, перепродававшейся на аукционе тщеславных притязаний.

На протяжении четырнадцати лет четыре короля сходят в могилу; было от чего встать в тупик. Франция не привыкла так часто устремляться в Реймс. Словно молнией сразило ствол капетингского древа. И мало кого утешило то, что корона перешла к ветви Валуа, ветви, по существу,

суетливой. Легкомысленные хвастуны, непомерные тщеславцы, всё в показном, и ничего внутри, отпрыски ветви Валуа, всходившие на престол, были уверены, что им стоит лишь улыбнуться, чтобы осчастливить все королевство.

Их предшественники отождествляли себя с Францией. А вот эти отождествляли Францию с тем представлением, каковое составили сами себе о собственной персоне. После проклятия, принесшего непрерывную череду смертей, — проклятие посредственности.

Первый Валуа — Филипп VI, прозванный «королем-подкидышем», короче говоря, просто выскочка, — за десять лет так и не сумел утвердить свою власть, потому что к концу этого десятилетия его кузен Эдуард III Английский завел династические распри: он предъявил свои права на престол Франции, и это позволило ему поддерживать и во Фландрии, и в Бретани, и в Сентонже, и в Аквитании все те города и всех тех сеньоров, что были недовольны новым государем. Будь на французском престоле монарх порешительнее, англичанин наверняка так и не осмелился бы на этот шаг.

Филипп Валуа не только не сумел предотвратить грозящей стране опасности — куда там, флот его погиб у Слюйса по вине назначенного им лично адмирала, без сомнения назначенного лишь потому, что адмирал ровно ничего не смыслил ни в морских делах, ни в морских сражениях; а сам король в вечер битвы при Креси бредет по полю боя, преспокойно предоставив своей кавалерии крушить свою же собственную пехоту.

Когда Филипп Красивый облагал народ новым налогом, что вмнялось ему в вину, то делал он это, желая укрепить обороноспособность Франции. Когда Филипп Валуа потребовал ввести еще более тяжелые подати, то лишь для того, чтобы оплатить свои поражения.

За последние пять лет его правления курс чеканной монеты будет падать сто шестьдесят раз; серебро потеряет три четверти своей стоимости. Тщетно старались установить твердые цены на продукты питания, они достигли головокружительных размеров. Глухо роптали города, страждущие от никогда раньше не виданной инфляции.

Когда беда раскинет свои крыла над какой-нибудь страной, все смешивается и природные катастрофы сопрягаются с людскими ошибками.

Чума, великая чума, пришедшая из глубины Азии, обрушила свой бич на Францию злее, чем на все прочие государства Европы.

Городские улицы превратились в мертвецкие предместья — в бойню. Здесь унесло четвертую часть жителей, там — третью. Целые селения опустели, и остались от них среди необработанных полей лишь хижины, брошенные на произвол судьбы.

У Филиппа Валуа был сын, но его, увы, пощадила чума.

Францию отделяли еще только две-три ступени от полного упадка и разорения, но с помощью Иоанна II, по недоразумению прозванного Добрым, эти ступени будут пройдены.

Эта череда сменяющих друг друга на троне посредственностей чуть было не уничтожила в Средние века государственный строй, исходящий из посылки, что сама природа способна породить в лоне одного и того же семейства держателя верховной власти. Но разве народы чаще выигрывают в лотерее избирательных урн, чем в лотерее хромосом? Толпы, ассамблеи, даже ограниченные группы избирателей ошибаются так же часто, как ошибается природа; Провидение так или иначе скуповато на величие.

— ЧАСТЬ ПЕРВАЯ —

БЕДЫ ПРИХОДЯТ
ИЗДАЛЕКА